

# СЛУЖЕБНЫЕ ИСТИНЫ

Когда кончился спектакль — это была инсценировка романа Федора Абрамова «Две зимы и три лета», — стало совершенно ясно, что успех его полон и безусловен. Не надо было и спрашивать мнения зрителей, выходящих из зала. По общему настроению москвичей было заметно, что спектакль не только понравился — он глубоко взволновал всех. И не случайно до сих пор в памяти у меня его последняя сцена, где Михаил Пряслин дает наставления младшему брату и сестре, которым, как он верит, удастся в жизни все, что не удалось ему. Не то, что не удалось, а не осталось времени на себя, все отдал семье, колхозу. На себя не хватило.

С глубокой искренностью, с настоящим перевоплощением актер В. Малочевский играет Михаила. И актер, и режиссер М. Сулимов, изображающий судьбу Михаила на широком фоне колхозной жизни, открыли нам общий смысл этой частной, единственной судьбы. Эта жизнь как будто отразилась в себе сущность народного характера с его мужеством, терпением и достоинством.

Я впервые увидела В. Малочевского, А. Добросова, Л. Нильскую, Н. Жмеренскую, Н. Трофимову, В. Карпенко, Т. Самойлина, А. Тарасову, Л. Кюн и других, составивших стройный ансамбль спектакля. И просто поразила та чистота, та серьезность решения жизненных проблем, с которыми актеры играли свои роли. Да, думалось мне, они знают то, о чем говорят, они понимают самую суть жизни маленького северного колхоза и его людей.

Они, актеры, играют, как реалистические художники, чувствительные к острым вопросам действительности. А Мар Сулимов — режиссер, от которого зависит целостность спектакля, — это талантливый и зрелый мастер. Его стиль углублен, серьезен и значителен; он не поддавался легкой и пустой моде, сплось и рядом мелькающей на сцене и делающей всех режиссеров похожими друг на друга.

командир, и как человек. В спектакле дивизия Чапаева встречает Фурманова, и в остроте диалогов легендарного командира с комиссаром открываются два характера. Не очень, правда, отвечает индивидуальность А. Анисимова образу Фурманова, но с этим можно смириться хотя бы из-за искренности исполнения актера. Зато бесспорно хороши здесь образы людей, поднявшихся за

(пьеса Н. Корсунова и М. Сулимова). В рисунке Подтягина, играющего Русакова, у А. Медведева, А. Креженчукова, Н. Мелешко и В. Полишкис есть живые, теплые моменты. Но мы покривили бы душой, сказав, что этот несобранный спектакль, полный буквально неисчерпаемых словесных длинот, нам понравился. Откровенно скажу: он смотрится скучно, хотя я пыталась пре-

ти исторических условий эпохи, актер выделяет в образе общее человеческое, живое. С ним тонко и драматично переключается тема Альфонсы — А. Скрипко и О. Амалина. По воле случая в первом представлении «Человека из Ламанчи» внезапно выбывшую из строя, получившую травму актрису Скрипко заменила Амалина. Мы имели удовольствие видеть и профессиональное мастерство, в профес-

Этот мнимо народный воле-виль вызвал у меня боязнь за потерю и растрату тех ценностей в мастерстве и мышлении, которые составляют достоинство других работ театра. Испытываешь чувство, будто находишься в другом театре. Аляповатый грим, эклектичность в декорациях и штамп плохой оперетты в игре иных актеров. Уже в самом начале хороводы, которые водят персонажи, одетые в черескля, наводят на грустные мысли. А потом, по нарастающей, сцену заполняют неразборчивые приемы балаганного театра.

Пьеса упорно ведет нас к торжеству Ханумы и кончается как ее триумф. Могло ли что-нибудь спасти положение, если авторы не задумались над окончательной целью своего произведения? Нет, конечно. Театр ошибся в выборе произведения и за свою ошибку наказан.

Особенности советской реалистической школы с присущей ей широкой объективностью в охватывании жизненных явлений, зрелостью идейной концепции, пристальным вниманием к содержанию психологического процесса и строгостью выразительных средств находим мы в лучших работах алма-атинского театра, в стиле его ведущих мастеров.

Не надо сомневаться в плодотворности таких качеств в работе. Надо всячески совершенствовать их. Этот путь обещает театру творческий расцвет. Но дорога к нему не коротка и не проста.

Ирина ВЕЛЕХОВА.  
г. МОСКВА.

## К ИТОГАМ ГАСТРОЛЕЙ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ им. М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Почти по всем спектаклям идут образы, которые напоминают зрителям о главных проблемах жизни человека, ее сложности и глубине. Они говорят и о простом, и о значительном, о счастье и о трудном, о том, что человек способен на высокие действия и большие подвиги. Тут уместно назвать такую работу театра, как спектакль о Чапаеве: «Так грохочет музыка!». Здесь о Чапаеве рассказано в жанре героической комедии. Театру удалось, на мой взгляд, найти верный ключ к решению этого синтеса. Режиссер Ирина Далиненко и актеры с настоящим чувством патетики, то есть личного волнения, развертывают в действии несколько эпизодов из жизни неповторимой, единственной в своем роде чапаевской дивизии.

В этом спектакле Чапаев не гибнет. И кажется — он не погибнет чужой смертью: такая молодость, окрыленность смелой натуры ощущается в исполнении артиста В. Подтягина. Его Чапаев талантлив и как

Чапаевым, и особенно красноречивец Илья Теткин — В. Малочевский.

Как это бывает, в работе театра заметны разные уровни. Мы отчетливо видим недостатки драматургической основы спектакля «Надежда горит впереди!» — ее рыхлость, незавершенность образов тех интересных людей, которым писатели посвящались. Слишком многое хотел театр отразить в одном спектакле — и историю ссыльного поэта Алексея Плещеева, и метания молодого генерал-губернатора Перовского, герцажского своей губительной деятельностью, и трагедию сцендиз Палейчика, и свободный облик актера Курмангазы Сагызбаева, и историю светского салона Аглан Армеевны Парамоновой, и драму из жизни крепостной актрисы Любаша Гусаровой. Разбегались в разные стороны эти несопадающие линии, разорвали спектакль, лишили его единства.

Интересны отдельные работы в спектакле «Жизнь прожить»

одолеть это коварное для искусства чувство. Полезный, умный, серьезно сделанный спектакль. Все это остается за ним, но не искупает откровенную бездейственность пьесы.

Я хожу на спектакли с записной книжкой, которая пополняется наблюдениями разного рода. Много замечаний, много упреков по тому или другому поводу: новая премьера («Жизнь прожить») дала много оснований для замечаний. Но, когда перечитываю записи, в самом конце их нахожу собственную пометку: «И все-таки они правдивы!». Такой вывод я делаю и теперь: это театр, в творчество которого прочно вошло чувство правды. И пусть слишком тяжел и медлителен против правил жанра музыкальный спектакль «Человек из Ламанчи» режиссера М. Сулимова — в нем тоже поселилась правда. Мигель Сервантес, которого играет Ю. Померанцев, современен. Он заставляет думать о честности и неподкупной мужественности современного человека. Не подменяя конкретнос-

сиональное мужество, позволившие не сорваться представлению. Альфонсо предстала перед нами юной и взрослой, лирической и драматичной благодаря тому, что роль была разработана режиссером с учетом индивидуальности актрисы.

Иногда можно сказать недостаткам «пусть», если у спектакля есть чем перебить их. Но иной раз этого сказать нельзя и не нужно. Так, мы ничем не можем компенсировать недостатки «Ханумы»; они, эти недостатки, в самом существе работы. Их начало — в литературном материале. Не берусь судить, как поставил бы театр пьесу Цагарели в ее первоисточнике, но в переработке с «русским текстом» и стихами В. Константинова и Б. Раера (как написано в афише) мало что осталось от народной комедии. Сквозным мотивом, заглушающая все, идет через спектакль куплеты Ханумы — центрального героя — с припевом: «Дешевое купить — выгодно продать, лучше меньше дать, да побольше взять...».